

XX 63
II

Библиотека
имени
В. И. Ленина
СССР

9

Мурзилка

ОГИЗ ДЕТГИЗ Сентябрь 1934

XX 63
11

АРТЕК.

Л. Родэ
Худ. Р. Барто

В этот день Левку, ударника учебы, премировали путевкой в Артек. Октябренок Яша, с которым Левка поспорил из-за воробья, принес ему записку в конверте.

— Я написал тебе это, чтоб ты не забыл, — возьми с собой в Артек штиблеты, фотоаппарат, поплавков... — скороговоркой сказал Яша.

— Спасибо, — сказал Левка.

— Не жалко, — сказал Яша. — Мне воробья тоже не жалко. Пускай ты его выпустил. Ты едешь в Артек?

— В Артек.

Левка рассказал Яше, какой это замечательный лагерь — Артек. Яша почти не завидовал. Артек на самом берегу моря? Пускай. Черное море голубого цвета? Все равно. В Артек со всех концов Союза и даже из-за границы съезжаются ребята? Пускай съезжаются.

Левка не хотел портить отношений, но в Артек Яшу не пустят. Туда едут ударники, лучшие из лучших, а Яша пишет с ошибками и ведет себя некультурно с воробьем.

Накануне отъезда, ночью, Левка проснулся. Он лежал в темноте и размышлял. Рубашка обнимала рукавами спинку кровати, и от этого было немножко страшно.

— Щетка! — вдруг басом сказал Левка.

Он зашлепал босиком по холодным половицам, не нашел выключателя и заблудился. Он громко ударился лбом о твердый бок книжного шкафа. Пошарил в темноте, пошел назад и наткнулся

животом на острый угол стола. Несколько секунд Левка молча растирал живот и соображал. Потом он повалился на бабушкину ширму и наступил на спящую кошку. Кошка проснулась и поцарапала Левкину ногу.

Когда Левка с чемоданом втиснулся в трамвай, начались неприятности. На него напирали. Чемодан вырывался из рук. Левка протянул кондуктору вспотевший гривенник.

— Получите. Артек.

— Кого? — удивился кондуктор. — А еще пионеры!

Взгон качнуло, и гривенник, как лягушка, прыгнул с ладони.

— Билет, — сконфуженно поправился Левка. — Я, знаете ли, еду в Артек.

— Вы где сходите? — спросил кто-то сзади.

— В Крыму! — восторженно признался Левка, глядя на кондуктора, и нагнулся за гривенником. Трамвай снова качнуло. Левка крикнул и уткнулся носом в чьи-то колени.

В вагоне собралась почти вся Московская область. Левка полез с чемоданом на верхнюю полку.

— Свалишься? — с надеждой спросила худенькая девочка с толстой косичкой.

— Посмотрим, кто свалится, — сказал Левка и чуть не свалился с полки.

— Тронулся! — закричала девочка. Косичка запрыгала, как живая.

— Это поезд тронулся, — басом сказал Левка, — а я вовсе нарочно прыгнул. И можешь косичкой не махать.

По бокам поезда бежала степь.

В Симферополе ребят ждал автобус. Дорога от Симферополя кружилась в горах винтовой лестницей. Горы лезли в самое небо. На верхушке лежал снег, похожий на соль.

Автобус шел над обрывом. Ребята ахали хором. Через несколько часов путешественники добрались до Артека.

Левка выпрыгнул из автобуса и остолбенел. Рядом шумно ворочалось море. Волны толкались и лезли на берег. Домики с вытянутыми боками блестели светлым лаком. На крылечках стояли ящики с цветами. Красный флаг на мачте подставлял солнцу то один бок, то другой. Левка подумал: «Это все не на самом деле». Огромная скала в море, спина горы совсем медвежья, деревья с острыми, как карандаш, верхушками. А листья пальм вроде рук со множественностью растопыренных пальцев.

Девочка с косичкой выпрыгнула вслед за Левкой. Косичка весело шевелилась на спине.

Путешественников прежде всего повели в баню—смыть дорожную пыль. Левка заметил мальчика круглоскулого, с узенькими добрыми глазами. Несколько ребят в белых трусах стояли перед ним. Они хлопали себя по коленкам, разводили руками, качали головами.

— Не понимает, — сказал один из ребят.

— Он из самой Туркмении приехал.

Левка подошел к туркмену. Они долго и внимательно смотрели друг на друга. Туркмен улыбнулся.

— Артек, — сказал Левка. — Прямо не может быть!

В артекской бане Левка был сам первый раз, но решил показать туркмену, как нужно мыться в Артеке. Он взял губку, поскользнулся, смазал туркмена по носу и сам сел прямо в шайку с горячей водой. Туркмен потерял равновесие и свалился на Левку. Левка выскочил из шайки под теплый душ. Из душа полилась холодная вода. Левка взвизгнул, а туркмен левкиной губкой потер себе голову.

Вечером в палатке Левка пробовал объяснить новому товарищу, как нужно спать в Артеке.

Туркмен увидел вторую простыню под одеялом и не решился лечь.

— Не понимает, — сказал Левка и дотронулся до галстука.

— Галстук.

— Гальстик.

— Пуговица.

— Пуголица, — согласился туркмен. Он посмотрел на вторую простыню, вздохнул и потрогал простыню пальцами.

Через несколько дней Левка и Нурр-Яхди — так звали туркменского мальчика — отлично понимали друг друга. Левка не умел говорить по-туркменски, а Нурр-Яхди—по-русски.

Левка начал работать в военном кружке, а Нурр-Яхди—в живом уголке. Они оба вскакивали утром по горну, завязывали галстуки, прилаживали панамы и чувствовали себя настоящими артековцами.

Высоко над морем среди кипарисовых аллей было тенисто и тихо. Гудел волосатый шмель. Какая-то птица монотонно уверяла: «Сплю-ю у... сплю-у...»

Левка и Нурр-Яхди остановились у памятника Зиновия Петровича Соловьева, основателя Артека. Левка тихонько прочитал надпись: «Бережно относись к своему здоровью и здоровью других. Передай товарищам, как жил в лагере и чему научился». Левка учился купаться

Нурр-Яхди.

и загорать. Не думайте, что это так просто. Конечно, лежать на солнце кверху животом всякому приятно. Но Левка честно поворачивался по команде врача: пять минут — и повернуться на бок. А после хорошо окунуться с головой в море. Море теплое и вода гладкая. Конечно, жалко, что мало, но Левка по свистку вылезал на берег. Он не кричал: «Сейчас! Сейчас!»

Он помнил, о чем говорил врач на воздушных ваннах:

— Да, да. Чем вы дольше купаетесь, тем для вас хуже. Вы не поправитесь и не укрепите своего здоровья. Да, да! Вы вернетесь в школу черными, как галки, а тощими, как палки.

Но больше всего Левка любил костры, особенно когда приходили старые большевики из санатории Суук-Су.

Левка любил рассказы о гражданской войне. Костер жарко горел. На небе проступали крупные звезды. И Левка говорил:

— Нурр-Яхди, понимаешь?

И Нурр-Яхди говорил:

— Понимаешь.

Со вчерашнего дня Левка и Нурр-Яхди — легкие кавалеристы.

Утром девочки из третьей палатки нашли под подушкой у Нурр-Яхди ужика.

Во-первых, кто позволил лезть под чужие подушки? Если вы санитарная комиссия, так зачем пищать?! Ужик не гадость, а совсем наоборот.

Девочки ахали. Ка-ак? Разводить под подушкой зверей? Животных? Сегодня ужик, а

ментная спинка. По обеим сторонам спинки блестящие яркие медные краны. Кранов было сорок два.

Ребята из Левкиной палатки заняли умывалку раньше девочек. Они мчались вперегонку. На шее болтались два полотенца: одно для лица и рук, другое для обтирания. Ребята, голые до пояса, намыливались, брызгались, растирались, поливались, визжали, крикали.

— Брр... Пусть Левка девчонкам не говорит... Бррр... холодная...

— Посмотрим, чья палатка чище... Бррр...

— Брр... Легкая кавалерия... Брр...

Нурр-Яхди заглянул в соседнюю кабинку. Серые трубы шли наверху четырьмя рядами перекладин. На перекладинах угрожающе торчали души. Нурр-Яхди поежился.

— Давай я тебе живот помылю, — сказал Левка. — Он у тебя что-то грязный.

Левка взялся за губку и вдруг крикнул:

— Найти косичку!

— Косичку? — спросили все хором.

— С бантиком! — крикнул Левка.

— С бантиком? — удивились все хором.

Но тут помешали девочки. Сколько бы мальчики ни мылись, все равно они чище не будут. Пускай освобождают умывалку.

А Левка закричал: — Все равно найдем!

Но девочки ничего не поняли.

После линейки, за завтраком, Левка снова увидел девочку с заплаканными глазами.

— Ужик — это гадость, — ехидно сказал Левка, — а косичка — это не гадость?

Левка.

завтра... слон. Нет! Девочки вызывают палатку мальчиков на соревнование. Посмотрим, чья палатка будет чище!

Нурр-Яхди с огорчением смотрел на ахающих девочек. Почему они сердятся? И он совал им в руки несчастного ужа.

— Ну, чего в самом деле? — с неудовольствием сказал Саша Брагин, майкопский ударник. — Подумаешь, недотроги какие!

И мальчики чуть не опоздали на зарядку.

На зарядке Левка заметил худенькую девочку с заплаканными глазами. Ее вчера остригли, и она оплакивала свою косичку. Другая девочка шопотом убеждала ее. Левка прислушался.

— Спрятать... никто не узнает...

«Ага!» подумал Левка. В умывалке Левка скажет об этом ребятам.

Умывалка была похожа на громадный светло-серый ящик без крыши. Вешалки протягивали свои деревянные лапки для полотенца. Посередине через всю умывалку бежал широкий светлый жолоб. Его делила во всю длину це-

Столловая гудела, как телеграфные провода. Звякали ножи и вилки. Дежурный врач и вожаемые следили за порядком.

На двух площадках, под навесом с полотняными боками, вытянулись столы. Желтые кувшины с прохладной водой стояли среди коричневых горшков с красными и белыми розами. Плоские солонки сверкали солью. На тарелках лежали горки золотистого хлеба.

Нурр-Яхди сидел рядом с Левкой. Оба поглядывали на стриженую девочку, шептались и кивали головами.

После солнечных ванн и второго завтрака кавалерия начала готовиться к налету.

— Девчонки, они хитрые, — сказал Левка.

— Китрые, — подтвердил Нурр-Яхди.

— Хитрые, — поправил Левка.

— Китрые, — сказал Нурр-Яхди.

— Хи-тры-е, — еще раз сказал Левка.

— Ки-тры-е, — согласился Нурр-Яхди.

— А мы хитрее, — сказал Левка.

— Китрее, — подтвердил Нурр-Яхди.

— Хитрее, — поправил Левка.

— Китрее,— повторил Нурр-Яхди.

— Хи-тре-е,— еще раз сказал Левка.

— Ки-тре-е,— согласился Нурр-Яхди.

И кавалерия выработала план: на воздухе за обедом, до самого мертвого часа, с девочками не спорить.

— Ваша палатка чище? Пожалуйста,— сказал Левка.

— Пожалуйста,— подтвердил Нурр-Яхди.

— Пожалуйста,— поправил Левка.

— Пожалуйста,— повторил Нурр-Яхди.

— Тьфу!— сказал Левка.

— Тьфу!— согласился Нурр-Яхди.

После вечернего чая все сделали вид, что палатка девочек никого не интересует. Легкая кавалерия, по плану, отступила к спортплощадке.

В библиотеке стоял уже хвост — любителей приключений, любителей путешествий, любителей техники. Вы можете взять газету, но читать вам придется уйти подальше: здесь репетируют затейники. У них замечательный оркестр, но он та-ак фальшивит... Впрочем, это не мешает работе редколлегии.

Терраса над морем уставлена столиками. Есть карандаши, есть чернила, кисточки и ручки. А статьи о соревновании с палаткой девочек все-таки нет.

В это время легкая кавалерия налетела на палатку девочек.

Девочки отрицали: никакой косички в их палатке нет. Ищите. Мало ли кто слышал про отрезанную косичку? С бантиком? Это еще ничего не значит. Нина Зайцева ее давно выбросила. Если вы легкая кавалерия, так зачем пиццать?

Косички нигде не было.

Тогда Левка сделал пальцами — будто стриг.

— Отрезанная. Косичка.

И Левка сказал:

— Нурр-Яхди, понимаешь?

Нурр-Яхди сказал:

— Понимаешь.

Нурр-Яхди выбежал из палатки. Он отрезал чью-нибудь косичку.

Хорошо, что Левка успел выскочить и схватить его за руку. Хорошо, что Левка помахал перед его носом найденной косичкой, той самой, которую оплакивала Нина Зайцева.

— Вот! — закричал Левка. — Ужик — это гадость, а косичка — это не гадость?

И мальчики хором сказали:

— Ужик — гадость, а косичка — это не гадость?

— Не гадость, — согласился Нурр-Яхди.

И все побежали на террасу.

Вот тогда-то в стенгазете появилась статья: «Сегодня легкая кавалерия сделала санитарный налет на палатку девочек.

Кавалерия обнаружила под подушками, под кроватями, в столиках несколько тонн камней. Девочки хотят на память увезти весь крымский берег. Но самая ужасная находка была в столике Нины Зайцевой. Мы нашли завернутую в бумажку косу с бантиком.

Зачем сохранять такие гадости? Ведь она больше не прирастет».

А на вечерней линейке, когда проиграли зорю и флаг тихо скользнул по мачте вниз и полная луна выплыла над Артеком, Нурр-Яхди сказал:

— Левка, понимаешь?

И Левка сказал:

— Понимаешь.

